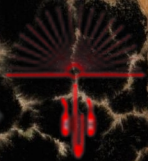

2 35637

1

7(09) H627

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ.

БИБЛИОТЕКА.

ЕГО ЖИЗНЬ, ИДЕИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

92 (Рескин)

H627H

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Л. П. Никифорова.

Съ портретомъ Рескина.

МОСКВА.

Тип. Высоч. утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ.

1896.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 января 1895 года.

В. П. П.

Тамъ же, въ томъ же изданіи, въ томъ же году.

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ.

AMERICAN
LIBRARY

Faithfully Yours
John Ruskin

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ.

ЖИЗНЬ, ИДЕИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Имя Джона Рёскина почти совсѣмъ незнакомо русской читающей публикѣ, а между тѣмъ очень немногіе изъ англичанъ пользуются такою извѣстностью и популярностью у себя на родинѣ. Портреты его красуются во всѣхъ витринахъ, книги его расходятся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, а въ числѣ его многочисленныхъ поклонниковъ считается немало такихъ, которые признають его однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей челоуѣчества. Я думаю, что не лишнее познакомить читателя, хотя въ общихъ чертахъ, съ дѣятельностью и съ взглядами этой крайне симпатичной личности.

Джонъ Рёскинъ родился въ Лондонѣ 8-го февраля 1819 года. Отецъ его былъ торговецъ. Для поправленія денежныхъ дѣлъ семьи и для уплаты отцовскихъ долговъ, онъ еще юношей поступилъ въ одинъ

торговый домъ и цѣлыхъ девять лѣтъ, не зная отдыха, исполнялъ свою монотонную обязанность съ полною добросовѣстностью. Наконецъ ему удалось попасть въ компаньоны одной фирмы, занимавшейся торговлею виномъ; здѣсь дѣла его пошли настолько успѣшно, что по смерти онъ оставилъ сыну громадное состояніе въ 175,000 фунт. стерл., т. е. болѣе полутора милліона рублей на наши деньги.

Отецъ Рескина хотя и былъ простымъ торговцемъ, но въ то же время это былъ человѣкъ очень образованный и посвящалъ всѣ свои досуги исторіи живописи. У него въ домѣ нерѣдко собирались выдающіеся представители лондонскаго образованнаго общества и главы торговыхъ фирмъ.

Мать его обладала замѣчательной силою воли и настойчивостью въ преслѣдованіи разъ принятой на себя задачи.

„Мой отецъ и моя мать, — говоритъ Джонъ Рескинъ, — были истинными представителями лондонскихъ гражданъ стараго добраго времени. Неподкупные, гордые и довольные своимъ положеніемъ, они были непоколебимы въ томъ, что считали своимъ долгомъ какъ въ сферѣ общественной, такъ и въ сферѣ домашней жизни и не щадили своихъ силъ на исполненіе своихъ обязанностей, находя всегда миръ и душевный покой у домашняго очага. Наконецъ они были замѣчательно религіозны“.

Домашняя обстановка ихъ была очень проста, и воспитаніе сына отличалось пуританскою строгостью. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ его единственной игрушкой была связка ключей, затѣмъ телѣжка и мячъ, а къ пяти годамъ ихъ замѣнили два ящика деревянныхъ кирпичиковъ. Ими онъ долженъ былъ цѣлые дни занимать себя, и его тотчасъ же наказывали, если онъ плакалъ, не дѣлалъ того, что ему

было приказано, или даже падалъ съ лѣстницы. Но зато къ пяти годамъ онъ уже жадно поглощалъ одну книгу за другой. Его знакомство съ искусствомъ началось очень рано. Отецъ старался передать своему единственному ребенку любовь къ природѣ и искусству. Совершая лѣтомъ частыя поѣздки по дѣламъ своей торговли, онъ бралъ съ собою Джона и обращалъ его вниманіе на живописныя мѣстности, на красоты природы и искусства, — словомъ, на все то, что плѣняло его артистическій вкусъ, и такимъ образомъ душа Рескина съ раннихъ лѣтъ стала восприимчива къ красотамъ Божьяго міра и его созданій.

Дома его обученіемъ руководила мать. Съ строгой пунктуальностью она заставляла его по буднямъ читать Гомера и Вальтеръ-Скотта, а по праздникамъ Робинзона Крузое и „Pilgrim's Progress“. Кромѣ того, онъ ежедневно читалъ библію и заучивалъ изъ нея наизусть лучшія мѣста. Это чтеніе распределено было такъ, что къ концу каждаго года прочитывалась вся библія отъ книги Бытія до Апокалипсиса. Джонъ Рескинъ, — котораго родители предназначали и приготавливали къ должности пастора англиканской Церкви, — съ величайшей благодарностью вспоминаетъ объ этихъ урокахъ слова Божія, которые онъ проходилъ, сидя у ногъ своей матери, и считаетъ ихъ цѣннымъ вкладомъ въ свое воспитаніе. Всегда и до сихъ поръ онъ съ горячею любовью относится къ этой пожелтѣвшей старой библіи, которую свято хранить, стараясь во всѣхъ случаяхъ жизни слѣдовать ея заповѣдямъ милосердія и любви.

Окончивъ первоначальное ученіе подъ руководствомъ своей матери, онъ поступилъ сперва въ школу, а затѣмъ въ коллегіи Кристчерча и Оксфорда. Уже ребенкомъ онъ отлично владѣлъ перомъ и де-

вяти лѣтъ писалъ красивыя стихотворенія. Когда ему минуло шестнадцать лѣтъ, онъ написалъ цѣлый рядъ статей по геологiи, помѣщенныхъ въ лондонскомъ журналѣ „Естествовѣдѣнiе“. Студентомъ онъ получилъ премiю за свою поэму, въ которой воспѣвалъ успѣхи первой проповѣди христіанства въ Индостанѣ. Поэма эта имѣла значительный успѣхъ и была продекламирована со сцены оксфордскаго театра въ 1839 году. Окончивъ 24 лѣтъ курсъ коллегiи онъ провелъ немало времени въ путешествiяхъ. Красивыя улицы среднеевропейскихъ городовъ, фасады Венеціи, художественныя галлерей Италiи, швейцарскія Альпы, прелестныя, живописныя деревушки Южной Европы нашли въ немъ серьезнаго, талантливаго наблюдателя, и его описанiя имѣютъ интересъ и серьезное значенiе даже и въ настоящее время. Еще юношей онъ выступилъ съ рядомъ статей по искусству. Его оригинальность и смѣлость взглядовъ вызвали бурю негодованiя со стороны патентованныхъ цѣнителей и судей, но съ выходомъ второго тома его „Современныхъ живописцевъ“ выдающееся значенiе Рескина, какъ художественнаго критика и писателя, было разъ навсегда обезпечено.

Познакомимся же здѣсь съ его взглядомъ на искусство, чтобы болѣе не возвращаться къ этому предмету, такъ какъ насъ интересуеетъ преимущественно его личность и его воззрѣнiя на социальныя и политико-экономическія вопросы.

Рескинъ опредѣляетъ искусство такъ: наука—познаетъ, искусство—воспроизводитъ; наука знакомитъ насъ съ явленiями, искусство—съ ихъ вліянiемъ на душу. Признавая факты, открываемые наукою, искусство проникаетъ въ сущность и раскрываетъ намъ ихъ духовное значенiе. Оно не только познаетъ внѣшнюю истину, но стремится

открыть и внутренній смыслъ явленій, и насколько міръ духовный обширнѣе міра матеріальнаго, настолько и область искусства обширнѣе области науки. Идя далѣе, мы можемъ сказать, что всякое истинное искусство есть „откровеніе“, и всякое великое твореніе представляетъ какъ бы актъ „восхваленія“.

Истинное искусство есть откровеніе. Мы только-что видѣли, что въ каждомъ предметѣ имѣются двѣ стороны—внѣшняя и внутренняя, или форма и сущность. Истинное искусство проникаетъ черезъ внѣшнюю оболочку и схватываетъ сущность. Очень немногіе, правда, обладаютъ этой способностью, но таковы всѣ истинные художники; они не только проникаютъ сами въ эту сущность, но своими произведениями даютъ возможность и простымъ смертнымъ заглянуть въ нее. Таково значеніе всякаго произведения, заслуживающаго названія художественнаго. Все остальное — простое подражаніе. Какъ бы правильны ни были линіи, правдивы краски, обширенъ замыселъ, но если произведеніе не выполняетъ вышеуказанной задачи, оно не художественно, — это холодная техника, мертвое совершенство и ничего болѣе.

Мы постоянно узнаемъ предметы по самымъ второстепеннымъ признакамъ и притомъ очень немногимъ; и хотя бы въ изображеніи было много существенныхъ и важныхъ чертъ, но если нѣтъ тѣхъ, по которымъ мы привыкли узнавать извѣстный предметъ или если послѣдніе выполнены не точно, то мы отрицаемъ сходство; и, наоборотъ, хотя бы отсутствовали всѣ главныя и существенныя черты, мы признаемъ сходство, если найдемъ хорошо выполненными тѣ незначительные признаки, по которымъ мы привыкли узнавать данный предметъ. Итакъ узнать предметъ по его изображенію

не значить еще доказать этимъ самымъ существенное сходство этого изображенія. Мы узнаемъ свои книги по переплетамъ, хотя никто не станетъ утверждать, что переплеты въ нихъ—главное. Человѣка собака узнаетъ по запаху, портной по одеждѣ, другъ по улыбкѣ; и песь, и портной, и другъ знаютъ его, но какъ и поскольку—зависитъ отъ того, что они считаютъ за нимъ существеннымъ для себя. Возьмемъ теперь портреты, воспроизводящія этого человѣка. Одинъ художникъ точно передаетъ всѣ черты его лица, но не передаетъ выраженія. О такомъ портретѣ скажутъ, что сходство поразительно, и что всѣ, даже его кошка, сразу узнаютъ его. На другомъ портретѣ не обращено достаточнаго вниманія на передачу внѣшнихъ чертъ лица или переданы онѣ не вполне точно, но зато схваченъ блескъ глазъ и своеобразное выраженіе губъ въ моментъ извѣстнаго настроенія. Только друзья признаютъ въ немъ сходство. Наконецъ третій портретъ передаетъ то выраженіе, какое имѣетъ это лицо въ моментъ наибольшаго возбужденія, когда всѣ скрытыя страсти и всѣ душевныя силы сразу проявляются наружу,—и опять только очевидцы такихъ моментовъ находятъ въ немъ сходство. Но позвольте васъ спросить: въ которомъ изъ этихъ портретовъ заключается истинное сходство? Первый портретъ даетъ только всѣ наиболѣе измѣнчивыя черты, подверженныя вліянію внѣшнихъ условій и времени; все это быстро измѣняется, сглаживается и становится достояніемъ могильныхъ червей. На второмъ портретѣ мы имѣемъ отпечатокъ души, но этотъ отпечатокъ чисто случайный, можетъ-быть даже искусственный и отнюдь не соответствующій всему духовному складу изображаемаго человѣка. Наконецъ въ третьемъ художникъ уловилъ все наиболѣе глубокое и сокровенное, схва-

тилъ такой моментъ, когда вся сознательная или бессознательная ложь слетѣла съ лица, когда всѣ преходящія мимолетныя движенія души растопились подобно льду, и подъ вліяніемъ какаго-нибудь необычайнаго импульса плотина, сдерживавшая скрытыя духовныя силы, прорвалась, давъ возможность излиться всему, что таилось на днѣ души, — всѣмъ тѣмъ высшимъ скрытымъ силамъ, той глубокой тайнѣ, о которой зналъ Всевышній и которую Онъ только и могъ пробудить.

Это разсужденіе приложимо и къ изображенію внѣшней природы: и у нея, какъ и у человѣка, есть тѣло и душа. Можно изображать тѣло безъ души, и такая картина будетъ казаться правдивой тому, кто способенъ воспринимать только внѣшность.

Можно изобразить духъ въ его самыхъ обычныхъ и низшихъ проявленіяхъ, и опять сходство найдутъ люди, не умѣющіе улавливать величайшей мощи природы; наконецъ можно изобразить природу въ моментъ сокровеннѣйшаго и величайшаго проявленія ея духа, и такое изображеніе правдивымъ сочтутъ лишь люди, умѣющіе постичь его. Всѣ три картины будутъ правдивы, но смыслъ заключенной въ нихъ правды различенъ и зависитъ отъ силы духа художника.

Эта способность видѣть и чувствовать врождена у человѣка и не можетъ быть искусственно привита ему. Ее можно развить или исказить, но создать ее невозможно. Это даръ Божій, при помощи котораго человѣкъ постигаетъ Его тайну и смыслъ Его твореній. Этотъ даръ независимъ отъ какихъ бы то ни было правилъ и въ высшихъ своихъ проявленіяхъ является самъ собою безъ всякой преднамѣренности. Художникъ не придумываетъ сюжетовъ; онъ не можетъ дать вамъ отчета, почему онъ для своего произведенія изобразилъ его такъ,

а не иначе. Онъ создалъ эту картину потому, что не могъ ея не создать именно такимъ, а не инымъ путемъ. Начиная съ Поля Веронеза и кончая простой пчелкой всѣ истинные художники творятъ съ благоговѣйной и вдохновенной безсознательностью.

Далѣе: *всякое великое твореніе представляетъ собою актъ восхваленія.* Оно является выраженіемъ страстной восторженности и преклоненія великой души передъ тѣмъ, что она наиболѣе любитъ созерцать. Ни одна великая картина не была еще создана безстрастной рукой. Художникъ, прежде чѣмъ что-нибудь изобразить, долженъ притти отъ этого въ восторгъ. При взглядѣ на такую картину вы видите передъ собою выраженіе его восторга. Произведеніе искусства имѣетъ значеніе лишь какъ выраженіе дѣятельной и живой воспріимчивости, хорошей и великой души человѣка. Степень совершенства техники и знанія могутъ быть различны; но какъ бы высоки они ни были, если въ картинѣ нѣтъ души, не проявляется сила воспріимчивости и творчества, — она ничего не стоитъ; ничего не стоитъ какъ произведеніе искусства, хотя можетъ быть очень цѣнна съ какой-нибудь другой точки зрѣнія. Итакъ всякая отрасль искусства велика, хороша и истинна только какъ явное проявленіе работы человѣчества въ высшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ, т. е. работы не рукъ и не пальцевъ, а души; и тѣмъ выше художникъ, чѣмъ глубже правда его изображенія и чѣмъ менѣе матеріаленъ предметъ его вдохновенія.

Какое же значеніе искусства? Праздная ли это забава досужихъ людей или нѣчто существенно-полезное для жизни? Если искусство только подражаніе, вѣрное воспроизведеніе дѣйствительной природы, то, конечно, лучше наслаждаться самимъ

оригиналомъ, чѣмъ копіей, какъ бы хороша и правдива послѣдняя ни была. Но не разъ уже было упомянуто, что истинное искусство не есть подражаніе, а выраженіе великихъ духовныхъ истинъ природы. Художникъ воспроизводитъ ее такъ, какъ мы никогда не поймемъ ее своими грубыми чувствами. Искусство есть откровеніе въ истинномъ значеніи этого слова и потому имѣетъ громадное воспитательное вліяніе. Ничтожному, напыщенному художнику мы въ правѣ сказать: отойди, не заслоняя отъ насъ природы; но истиннаго художника мы должны просить: стань между нами и этой природой, слишкомъ великой и чудесной для насъ, будь ея истолкователемъ, научи насъ смотрѣть на нее твоими глазами, прислушиваться къ ней твоимъ слухомъ и проникать въ ея тайны при помощи твоего великаго, божественнаго духа!

Таковъ общій взглядъ Рескина на искусство. По немъ уже можно судить, что онъ затрогиваетъ сущность предмета, а не ограничивается поверхностнымъ анализомъ, что это человѣкъ, горячо преданный интересамъ людей, которыхъ онъ стремится возвысить и научить жить болѣе духовною жизнью.

Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, когда познакомимся съ его дѣятельностью какъ профессора.

Въ 1869 году при Оксфордскомъ университетѣ открыта была кафедра изящныхъ искусствъ и на нее первымъ профессоромъ избранъ былъ Рескинъ. Такимъ образомъ ему приходилось организовать эту кафедру, за что онъ и принялся со свойственной ему энергіей. Хотя справедливо мнѣніе Карлейля, что лучшими университетами въ наше время являются собранія книгъ, однако живое слово даровитаго профессора имѣетъ незамѣнимое значеніе, и въ этомъ отношеніи врядъ ли кто-либо изъ со-

временныхъ профессоровъ имѣлъ такое громадное и притомъ благотворное вліяніе на своихъ слушателей, какое выпало на долю Рескина. Съ первыхъ же лекцій онъ сумѣлъ возбудить такой восторгъ и привлечь на свои лекціи такую массу слушателей, что зала музея, въ которой онъ читалъ, не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ. Ему приходилось не разъ занимать громадную залу театра или повторять свои чтенія дважды, и все-таки лица, желавшія занять получше мѣсто, принуждены были являться за нѣсколько часовъ до начала лекціи. Встрѣчаемый всегда восторженно студентами, онъ пользовался среди нихъ громадною популярностью, благодаря тому обстоятельству, что умѣлъ пробуждать лучшія стороны ихъ духа и направлять ихъ сердца въ смыслъ любви къ трудящимся и обездоленнымъ. Однажды онъ обратился къ своимъ слушателямъ со слѣдующими знаменательными словами: „Не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ васъ, господа, удѣлить часть своего досуга и своихъ силъ на помощь и пользу бѣднымъ, починяя крыши ихъ хижинъ, исправляя деревенскія дороги и т. п. Мнѣ кажется, что, взявшись за такую работу, вы почувствуете себя бодрѣе, сильнѣе, и на сердцѣ у васъ будетъ легче, чѣмъ теперь, когда вы истратите свободное время на дорогія и притомъ вредныя удовольствія?“ Молодежь съ радостью откликнулась на этотъ благородный призывъ. И вотъ чопорные аристократы взялись за заступъ и отправились чинить дороги и копать рвы. Хотя насмѣшки праздныхъ зѣвакъ и даже самихъ крестьянъ заставили ихъ скоро отказаться отъ этого добраго дѣла, однако такой честный порывъ оставилъ безспорно глубокій слѣдъ на всемъ ихъ нравственномъ складѣ, а завтраки у Рескина, на которые собирались эти студенты-землекопы и гдѣ велись горячія бесѣды по

разнымъ общественнымъ вопросамъ, имѣли громад-
ное воспитательное для нихъ значеніе. Здѣсь вы-
рабатывались такія личности, какъ знаменитый
„другъ бѣдныхъ“ Арнольдъ Таунби, здѣсь пробуж-
далось и окрѣпло желаніе служить на пользу на-
родной массы, здѣсь восторженно обсуждались планы
будущихъ полезныхъ учрежденій въ родѣ „народнаго
университета“. Когда этотъ университетъ былъ
основанъ, Рескинъ не разъ съ добродушной улыб-
кой вспоминалъ, что по окончаніи его вступитель-
ныхъ лекцій къ нему явились его товарищи-про-
фессора съ выраженіемъ необычайной важности на
своихъ физіономіяхъ, обратили его вниманіе на тѣ
отступленія, которыя онъ допускаетъ въ своихъ
лекціяхъ, и на тѣ утопіи, которыя онъ въ нихъ
проповѣдуетъ. „Теперь, — замѣчаетъ Рескинъ, — одна
изъ этихъ утопій уже осуществляется на дѣлѣ
и, такимъ образомъ, обо всякой проповѣди, какъ
и о деревѣ, нужно судить по ея плодамъ“.

Несмотря на то, что немало времени и труда
уходило у Рескина на подготовку къ лекціямъ, такъ
какъ послѣднія иллюстрировались всегда картинами,
копіями и діаграммами, часто специально для этого
приготовленными, онъ продолжалъ писать попреж-
нему много и принималъ живое участіе въ раз-
ныхъ полезныхъ учрежденіяхъ, устраиваемыхъ для
народа. Но помимо этой разносторонней дѣятель-
ности, о которой мы скажемъ подробнѣе впослед-
ствіи, когда ознакомимся съ его социальными и
политико-экономическими воззрѣніями, при самомъ
Оксфордскомъ университетѣ онъ удѣлялъ массу вре-
мени и труда на правильную организацію устроен-
ныхъ имъ музея и школы живописи. Университетъ
отвелъ для этой цѣли помѣщеніе, а Рескинъ по-
жертвовалъ свою коллекцію и 5000 ф. стерл. Эдвардъ
Кукъ, дѣлая обзоръ этого музея, удивляется той

массѣ энергии, которую проявилъ Рескинъ при устройствѣ этого учрежденія. Рабочая способность этого человѣка поистинѣ изумительна: онъ встаетъ утромъ въ четыре съ половиною часа и до шести часовъ вечера находится всегда съ работой.

Въ заключеніе нашей краткой характеристики Рескина какъ профессора приведемъ отзывъ одного изъ его бывшихъ слушателей: „Мы знали въ Оксфордѣ человѣка, — говоритъ принцъ Леопольдъ, — богато одареннаго высшими благами природы, генія, всегда готоваго подѣлиться всѣмъ со своими ближними, задача жизни котораго состоитъ въ томъ, чтобы матеріальными средствами, словомъ и личнымъ горячимъ участіемъ облегчать и деревенскому ремесленнику и пахарю возможность черпать знаніе и счастье изъ окружающаго насъ чуднаго Божьяго міра, созданнаго одинаково какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ. Мы видѣли такого человѣка; это — Джонъ Рескинъ. И мы, имѣвшіе счастье быть его учениками, вынесли изъ его лекцій много драгоцѣннаго для руководства всей нашей жизни; но глубже всего запало намъ въ душу то, что „высшая мудрость и лучшія сокровища должны быть достояніемъ не однихъ избранныхъ, а всѣхъ людей; что величіе націи опредѣляется не ея матеріальнымъ богатствомъ и не ви́шней силой, а тѣмъ, поскольку ея народъ имѣетъ возможность и умѣетъ находить наслажденіе въ изученіи природы, наукъ и искусствъ“. Этотъ восторженный отзывъ одного изъ учениковъ всего лучше свидѣтельствуемъ о томъ громадномъ нравственномъ вліяніи, которое имѣлъ Рескинъ на своихъ слушателей. Странно, повидимому, какъ могъ профессоръ такого сухого предмета, какъ исторія архитектуры — а такова была его специальность — возбуждать восторженную любовь къ себѣ и къ своимъ лекціямъ.

Но дѣло въ томъ, что гений или даже истинно даровитый человѣкъ, какую бы отрасль знанія онъ ни избралъ своею спеціальностью, всегда сумѣетъ пробудить въ человѣкѣ лучшія стороны его духа. Для Рескина памятники архитектуры, какъ и всевозможныя произведенія истиннаго искусства, являлись выраженіями вѣчнаго стремленія человѣка къ высшей правдѣ и красотѣ. Эти высокія стремленія онъ и пробуждаетъ въ своихъ слушателяхъ, и его мощное слово вызывало въ нихъ любовь къ обездоленнымъ и готовность притти къ нимъ на помощь. Живое слово профессора по необходимости затрогивало постоянно всевозможныя жизненныя вопросы, и ему то и дѣло приходилось вдаваться въ разсмотрѣніе и соціальныхъ и политико-экономическихъ задачъ нашего времени. Эти вопросы не были чужды ему: онъ серьезно изучалъ, глубоко вдумывался въ нихъ, и имъ посвящено не мало лучшихъ страницъ его произведеній.

Познакомимся же съ его соціальными и экономическими воззрѣніями. Многія изъ нихъ, быть-можетъ, покажутся читателю нѣсколько странными и несогласными съ его собственными взглядами, но мы должны, слѣдуя совѣту Рескина, принять во вниманіе, что полезными учителями должно считать тѣхъ, которые сообщаютъ намъ не то, что мы уже знаемъ, а то, что заставляетъ насъ серьезно и полнѣе уяснять себѣ истину. Роль Рескина во всѣхъ соціальныхъ вопросахъ является ролью реформатора, при чемъ онъ не щадитъ нашихъ заблужденій, нашего самоослѣпленія и всегда безтрепетно нападаетъ на ложь, гдѣ и въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась. Онъ находитъ, что главное зло нашей жизни происходитъ отъ трехъ слѣдующихъ главныхъ причинъ:

Во-первыхъ отъ незнанія самихъ себя и суще-

ствующаго порядка вещей, во-вторыхъ отъ непригодности самихъ людей и внѣшнихъ условій ихъ жизни и въ-третьихъ отъ склонности людей предоставлять существующій порядокъ вещей его теченію, не стараясь исправить его.

Для уничтоженія этой трехголовой гидры зла Рескинъ находитъ, что человѣкъ долженъ прежде всего познать самого себя и свое окружающее. Познаніе самого себя заключается въ достиженіи яснаго пониманія истинной способности своихъ рукъ, своего ума и своихъ духовныхъ силъ. Пока человѣкъ не достигъ этого, онъ пребываетъ въ полномъ невѣдѣніи относительно своего истиннаго призванія и не будетъ имѣть увѣренности въ успѣхъ своего дѣла и своего счастья. Богъ создалъ каждого человѣка вполне пригоднымъ для предстоящей ему жизненной задачи, т. е. у каждого человѣка имѣется своя особая жизненная задача, имѣются и всѣ необходимыя средства для ея выполненія. Непоколебимая вѣра въ справедливость этого принципа служила источникомъ многихъ восторженныхъ рѣчей Рескина и должна быть разсматриваема какъ основа всей его жизни. Человѣкъ, по его мнѣнію, не игрушка судьбы, безцѣльно и бессмысленно несущаяся по бурнымъ волнамъ житейскаго моря до тѣхъ поръ, пока не погрузится, наконецъ, въ него, а существо, имѣющее выполнить извѣстную, вполне опредѣленную задачу; и хотя самъ человѣкъ не знаетъ, въ чемъ таковая заключается, не знаетъ, откуда онъ пришелъ и куда идетъ, тѣмъ не менѣе эта увѣренность, что жизнь его не бессмыслица, будетъ всегда драгоцѣннымъ грузомъ для его ладьи и путеводной звѣздой, которая доведетъ его до желанной пристани. Рескинъ считаетъ жизнь за божественный актъ и говоритъ, что Тотъ, кто такъ таинственно, чудесно создалъ человѣка,

сдѣлать это не безцѣльно. Богъ не безсмысленно творить Свои созданія, и въ этомъ легко можно убѣдиться по тѣмъ великимъ дарамъ, которыми Онъ наградилъ человѣка. Безпредѣльная мощь разума, разнообразіе и богатство дарованій ясно указываютъ, что человѣкъ является въ міръ съ опредѣленною цѣлью и имѣетъ извѣстное разумное значеніе.

Человѣкъ, искренно желающій постичь свое призваніе, долженъ испытывать свои индивидуальныя силы въ трудѣ, имѣющемъ прямое практическое значеніе. Людской трудъ служитъ лучшимъ опредѣлителемъ его призванія, при чемъ никогда не слѣдуетъ, въ ожиданіи или во имя будущихъ крупныхъ дѣяній и ради подготовки къ нимъ, отказываться отъ тѣхъ маленькихъ добрыхъ дѣлъ, которыя постоянно, на каждомъ шагу, представляются каждому. Только путемъ постоянной практической дѣятельности, хотя бы и цѣною многочисленныхъ ошибокъ, человѣкъ доходитъ наконецъ до пониманія себя и своей задачи и достигаетъ того положенія, при которомъ онъ чувствуетъ себя и полезнымъ и счастливымъ, совершая то дѣло, для котораго онъ посланъ въ міръ. Наименѣе удовлетворяющій періодъ въ жизни человѣка—тотъ, когда онъ чувствуетъ въ себѣ силы и не видитъ еще поприща для ихъ приложенія; и наиболѣе жалокъ тотъ человѣкъ, который измѣнилъ своему призванію и очутился за бортомъ, бѣжавъ подобно Іонѣ въ Фарсисъ, когда долженъ былъ проповѣдывать по стогнамъ Ниневіи. У cadaго человѣка въ молодости встрѣчаются періоды невольнаго колебанія въ своемъ назначеніи, и правдивые рассказы о нихъ людей, въ особенности честно и мужественно прошедшихъ свой жизненный путь, всегда полны глубокаго интереса и крайне поучительны для тол-

пы. Влеченіе молодой души, попытки раннихъ лѣтъ, желанія родителей, совѣты друзей, выходъ наконецъ изъ неизвѣстности на опредѣленную дорогу, — все это моменты, изучать которые всегда полезно.

Относительно нравственнаго самоусовершенствованія Рескинъ говоритъ такъ:

Будьте увѣрены, что какъ бы вы ни были хороши, у васъ все-таки есть недостатки; какъ бы вы ни были слѣпы, вы всегда при желаніи можете увидѣть ихъ, и всегда стоитъ заняться исправленіемъ этихъ недостатковъ, какъ бы незначительны они ни были. Пусть же не проходитъ ни одного дня безъ того, чтобы вы не стали нѣсколько лучше, а для этого вамъ необходимо прежде всего уяснить себѣ, что вы такое въ данную минуту. Объ этомъ стоитъ серьезно подумать. Возьмите бумагу и перо и ясно, насколько возможно, опишите самихъ себя. Если вы почему-нибудь не рѣшаетесь сдѣлать этого, то уясните себѣ причину этой нерѣшительности и найдите въ себѣ достаточно силы, воли и мужества взглянуть прямо себѣ въ душу, какъ вы не разъ глядите въ зеркало на свое лицо. Я нимало не сомнѣваюсь, что ваша душа интереснѣе вашего лица и потому заслуживаетъ бѣльшаго вниманія съ вашей стороны; поэтому всегда имѣйте у себя на столѣ два зеркала и ежедневно старайтесь держать въ порядкѣ и ваше лицо и вашъ дневникъ.

Какъ бы эти совѣты ни казались общи и стары, но если вы будете слѣдовать имъ аккуратно и терпѣливо, то исчезнетъ, наконецъ, какъ ваше невѣдѣніе относительно вашихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, такъ и ваша неизвѣстность объ истинномъ вашемъ призваніи. Въ этомъ самопознаніи вы почерпнете силу независи-

мости, безъ которой немислимо никакое настоящее дѣло, и сознание своей слабости—эту тайну истиннаго роста силы. Ошибаться въ своихъ силахъ—значить брести по ложной дорогѣ, не находя удовлетворенія въ томъ дѣлѣ, которое исполняешь, а невѣдѣніе размѣровъ собственныхъ силъ равносильно полнѣйшему, окутывающему нашу жизнь, туману.

Однако человѣкъ долженъ познать не только самого себя, но и существующій порядокъ вещей, съ которымъ ему придется имѣть дѣло. Многіе могутъ возразить на это, что эта задача слишкомъ трудна и мучительна. Пусть такъ; но вѣдь это необходимо и не только нужно понять, но и пережить его всѣмъ существомъ, почувствовать всѣмъ сердцемъ. Для пріобрѣтенія такого рода познаній необходимъ искренній анализъ; нужно умѣть не закрывать глаза передъ фактами и нужно умѣть отзываться на каждое чужое горе. Знаетъ ли пастырская жизнь каждаго изъ своихъ прихожанъ и слѣдить ли онъ за развитіемъ ихъ нравственности? Капиталистъ знаетъ ли жизнь людей, трудами которыхъ пріобрѣтаются его богатства? Знаетъ ли крупный землевладѣлецъ жизнь своихъ арендаторовъ и крестьянъ, обрабатывающихъ его земли? Фабрикантъ знаетъ ли своихъ рабочихъ; смотритъ ли онъ на нихъ какъ на живыя существа, одаренныя человѣческой душой, или только какъ на орудія производства? Знаетъ ли ихъ по имени, знаетъ ли условія ихъ жизни и можетъ ли онъ вамъ сказать: чисты ли ихъ жилища, здоровы ли ихъ дѣти и какова ихъ нравственность? А сами рабочіе люди! Знаютъ ли они или, по крайней мѣрѣ, стараются ли узнать окружающія ихъ условія, то, почему трудъ для нихъ не радость, а мука? Почему ихъ удовольствія отличаются излишествомъ и звѣр-

ствомъ? Почему доступъ ко многимъ жизненнымъ наслажденіямъ закрытъ для нихъ, а неравенство жизненныхъ условій всею своею тяжестью обрушивается на нихъ же самихъ?—Нѣтъ! А между тѣмъ эти знанія суть необходимыя условія усовершенствованія и служатъ основой прочнаго счастья и спокойствія.

Познавъ себя и окружающее, уяснивъ себѣ характеръ своей дѣятельности, мы должны приступить къ упорному и терпѣливому примѣненію нашихъ хотя бы и слабыхъ силъ къ дѣлу усовершенствованія, не предоставляя все исключительно однимъ общественнымъ мѣрамъ, а принимая въ усовершенствованіи условій и среды живое, непосредственное участіе. Наилучшимъ образомъ усовершенствоваться себя и внѣшнія условія мы можемъ только честно трудясь въ той средѣ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы родились. Человѣкъ, старающійся постоянно мѣнять свое положеніе и достигать все болѣе обезпеченной среды, рѣдко можетъ усовершенствовать себя и данную среду. Для того и другого ему слѣдуетъ оставаться въ той средѣ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ родился, и стараться улучшить ихъ. Причина, почему цѣлыя группы людей остаются при прежнихъ невозможныхъ условіяхъ, кроется главнымъ образомъ въ томъ, что люди при первой возможности стараются вытти изъ данной среды вмѣсто того, чтобы оставаться и улучшать ее. Рабочій стремится сдѣлаться бариномъ вмѣсто того, чтобы оставаться тѣмъ же рабочимъ, прилагая всѣ свои силы и знанія на улучшеніе положенія своихъ собратій. Та среда, въ которой родится человѣкъ, имѣетъ главныя на него права, и первая его обязанность относится къ людямъ, наиболѣе близко къ нему стоящимъ. Рескинъ не разъ повторялъ эту истину: улучшайте окружаю-

ція васъ условія жизни, а для этого вы должны знать и сродниться съ ними; усовершенствуя ихъ, вы будете улучшать себя и найдете счастье въ себѣ и въ томъ дѣлѣ, которое вы будете исполнять. Познавать, усовершенствовать себя и свое окружающее, находя въ этомъ свое счастье, — вотъ основа соціального ученія Рескина.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію его взгляда на современные условія труда.

Во всякомъ дѣлѣ, гдѣ необходима работа многихъ людей вмѣстѣ, необходимо нужно лицо, направляющее и регулирующее эту коллективную работу; на обязанности этого лица лежитъ не только наблюденіе за тѣмъ, чтобы продукты труда получались наилучшаго качества и какъ результатъ наименьшей затраты силъ, но также и наблюденіе за тѣмъ, чтобы самый трудъ былъ наименѣе обременителенъ и по возможности лишенъ однообразія.

Чѣмъ болѣе работающій человѣкъ походитъ на простую машину, чѣмъ менѣе при этомъ изощряетъ свою ловкость, свои умственные способности, тѣмъ разрушительнѣе дѣйствуетъ на его здоровье такой трудъ, и тѣмъ менѣе онъ производителенъ. Относясь съ величайшею ненавистью и глубочайшимъ отвращеніемъ ко всякаго рода теоріямъ и ученіямъ, поддерживающимъ отдѣленіе умственного труда отъ физическаго, при чемъ одни осуждены на роль инициаторовъ и изобрѣтателей, а другіе являются исключительно исполнителями, Рескинъ требуетъ развитія умственныхъ и физическихъ способностей въ каждомъ человѣкѣ по возможности равномерно. Лишь при этомъ условіи люди освободились бы отъ роли рабочаго скота, улучшилось бы производство и водворились бы болѣе человѣческія отношенія между владѣльцами и рабочими. До тѣхъ же поръ, пока су-

существует это отдѣленіе умственнаго и физическаго труда, значительная часть работы пропадаетъ безплодно, а однообразіе ея убиваетъ энергію и ловкость рабочаго. Въ трудѣ каждаго отдѣльнаго рабочаго кроются, безспорно, силы для чего-то лучшаго, чѣмъ то, что онъ дѣлаетъ; извѣстной долей воображенія, наблюдательности и соображенія обладаетъ даже самый послѣдній изъ нихъ. И если эти способности заглушаются, то вина всецѣло падаетъ на насъ. Духовно-интеллектуальная сторона рабочаго должна стоять на первомъ планѣ, должна быть главнымъ предметомъ нашихъ заботъ, хотя бы и въ ущербъ личнымъ нашимъ матеріальнымъ выгодамъ. Это обстоятельство нужно вполне уяснить себѣ. Вы можете научить человѣка съ замѣчательной ловкостью и быстротой проводить какія угодно линіи и найдете, что онъ повторяетъ заученныя линіи въ совершенствѣ; но если вы предложите ему взглядѣться въ фигуры этихъ линій и придумать что-нибудь новое, онъ сразу останавливается, колеблется и ошибается въ девяти случаяхъ изъ десяти, но зато мысль и воображеніе его пробудились. Онъ сталъ мыслящимъ существомъ, а не машиной или простымъ орудіемъ.

И замѣтите, что вамъ всегда приходится выбирать одно изъ двухъ: или дѣлать изъ рабочаго бессмысленное орудіе или человѣка. Совмѣстить то и другое немислимо: человѣкъ не созданъ работать съ точностью и аккуратностью машины. Требуя отъ него этихъ качествъ, вы заставляете его извращать человѣческую природу. Все вниманіе его въ теченіе работы должно быть направлено, напримѣръ, на то, чтобъ руки производили одну и ту же однообразную работу, и на этомъ сосредоточивается все его вниманіе; въ теченіе долгихъ часовъ подъ рядъ онъ не долженъ ничего

чувствовать, ни о чемъ думать, какъ только о точности производимой работы. Душа и мысль его должны бездѣйствовать, какъ непригодныя; онѣ атрофируются, и, такимъ образомъ, работа извращаетъ въ человѣкѣ образъ и подобіе Божіе. Такое превращеніе человѣка въ бездушную часть машины есть главнѣйшая причина, побуждающая всюду массы вступать въ бесплодную, разрозненную и мучительную борьбу за свободу, истинный смыслъ которой они далеко не усвоили себѣ. Общій крикъ негодованія противъ богатыхъ вызванъ не щемящей нуждой и не оскорбленною гордостью. И то и другое играютъ, правда, значительную роль, но не большую чѣмъ прежде, а между тѣмъ никогда еще основы общества не были такъ расшатаны. И главная причина этого явленія заключается не въ голодѣ, а въ томъ, что трудъ, цѣною котораго добывается рабочимъ пропитаніе, пересталъ доставлять имъ отраду, и всѣ начинаютъ считать богатство единственнымъ источникомъ наслажденія.

За послѣднее время много говорилось и писалось о принципѣ раздѣленія труда, характеризующемъ нашу современную цивилизацію, но только здѣсь была допущена извѣстная неточность выраженія. Въ сущности происходитъ не раздѣленіе труда, а людей. Они, эти люди, раздѣлены до такой степени, что незначительной доли приложенія умственныхъ силъ, остающейся теперь въ удѣлъ каждому рабочему, не хватаетъ даже на производство цѣлой булавки или иголки, а только лишь части ея, напр., одного лишь игольнаго ушка. Конечно, очень желательно производить ежедневно какъ можно больше иголокъ, но если мы посмотримъ, какою цѣною получаютъ онѣ, и увидимъ, что цѣною души и жизни человѣческой, то можетъ-быть найдемъ, что производительность эта обходится для

насъ слишкомъ дорого. И громкій вопль, поднимающийся изъ всѣхъ мануфактурныхъ городовъ, крикъ, заглушающій фабричныя гудки, свидѣлствуютъ, что мы заботимся обо всемъ, только не о человѣкѣ, что мы производимъ все, кромѣ людей. Мы бѣлимъ хлопокъ, закаливаемъ сталь, рафинируемъ сахаръ, дѣлаемъ фаянсъ, но расширить, укрѣпить, развить человѣческій духъ—объ этомъ мы нимало не заботимся и ставимъ это ни во что. Чтобы исправить зло, вызывающее это справедливое негодованіе, недостаточно учить или проповѣдывать, потому что ученіе только яснѣе раскрываетъ передъ рабочими весь ужасъ давящаго ихъ зла, а проповѣдь, если мы ограничимся только ею, во истину явится горькой насмѣшкой. Нѣтъ, для этого нужно, чтобы люди всѣхъ классовъ и сословій, во-первыхъ, поняли, какого рода трудъ пригоденъ для человѣка, возвышая его и доставляя ему счастье; во-вторыхъ отказались бы отъ тѣхъ предметовъ роскоши, удобствъ и дешевизны, которые приобрѣтаются цѣною униженія человѣка, и, наконецъ, рѣшились бы довольствоваться только продуктами здороваго и облагораживающаго труда.

Рескинъ предлагаетъ, напр., поразмыслить, сколько тысячъ паръ перчатокъ совершенно бесполезны и излишни, и какая масса способныхъ къ труду людей осуждена на невольную праздность, не находя нигдѣ работы. И это потому, что не соблюдается первое правило политической экономіи, состоящее въ томъ, что предварительно нужно утилизировать наличную мускульную живую силу, затѣмъ силы природы: вѣтеръ, воду, электричество, и только подъ конецъ, когда и ихъ окажется недостаточно, можно прибѣгать къ искусственнымъ силамъ. Вѣдь человѣку, — замѣчаетъ онъ, — всегда лучше самому кормить и одѣвать себя, чѣмъ быть

празднымъ и притомъ голоднымъ зрителемъ того, какъ машина будетъ работать на него.

Взглядъ Рескина на рабочую плату вызвалъ тоже немало возражений и злобныхъ нападокъ со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ.

По его мнѣнiю, качество пищи и воздуха, потребляемыхъ человекомъ на производство известнаго количества труда, представляетъ такую же абсолютно определенную величину, какъ и масса, напр., пороха, требуемаго для того, чтобы отнести ядро на известное разстоянiе... Пусть же всѣ знаменитые лондонскiе ученые ясно и точно опредѣляютъ: во-первыхъ, количество и качество пищи и размѣръ жилищъ, необходимыхъ для здороваго существованiя рабочихъ каждой профессiи, и, во-вторыхъ, число часовъ, которое рабочiй можетъ посвящать своему труду безъ ущерба для своего здоровья. И пусть тогда всѣ фабриканты и заводчики предложатъ рабочему на выборъ или вышеопределенныя нормы или же рыночную заработную плату. Вслѣдъ за симъ необходимо опредѣлить условiя содержанiя семей, но вначалѣ пусть только будетъ установлена норма для самихъ рабочихъ, и я увѣренъ, что всѣ ихъ стачки прекратятся. Далѣе Рескинъ напоминаетъ фабрикантамъ, купцамъ и заводчикамъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенiю къ обществу: они не должны забывать, что представляютъ изъ себя слугъ обществу и существуютъ для его пользы. И потому на обязанности купцовъ и фабрикантовъ лежитъ доставленiе народу известныхъ продуктовъ.

У людей всевозможныхъ профессiй имѣются известные обязанности передъ обществомъ, у каждаго свой священный долгъ; сознание такой ответственности и строгое его исполнение лежитъ въ основѣ прочности и прогресса общественной жизни.

Каковы бы ни были искушения и соблазны, человекъ не долженъ отступать отъ своей обязанности и оставлять ввѣренный ему почетный постъ. Солдатъ долженъ скорѣе умереть, чѣмъ погнать свое мѣсто; пасторъ долженъ терпѣть нужду и голодъ, но не проповѣдывать лжи; врачъ долженъ подвергаться возможности зараженія, а не отступать ни передъ какой самой страшной заразой; юристъ долженъ отказаться отъ самыхъ лестныхъ почестей и наградъ, если цѣною ихъ приходится отстаивать несправедливость, а купецъ и фабрикантъ обязаны предпочесть банкротство и нищету поддѣлкѣ товаровъ, производству недоброкачественныхъ продуктовъ или же вредныхъ какъ для производителей, такъ и для потребителей.

Рескинъ говорить: всякій порядочный солдатъ считаетъ, что его жизненная задача состоитъ въ охраненіи страны, а не въ полученіи жалованья. Пасторъ, конечно, любитъ деньги, но не въ этомъ видитъ смыслъ своей жизни, а въ проповѣдываніи добра и исполненіи духовныхъ требъ. Доктора не менѣе ихъ любятъ получать плату за визиты, но главная ихъ задача сводится все-таки къ подачѣ помощи больнымъ. И если бы имъ предложили на выборъ — или отказаться отъ платы за визиты и вылѣчить больного или же получить хорошее вознагражденіе и отправить пациента на тотъ свѣтъ, то я не предполагаю, чтобы мало-мальски порядочный докторъ задумался на минуту, какое принять рѣшеніе.

Точно такъ же поступаютъ всѣ люди, правильно понимающіе свои обязанности. На первомъ планѣ у нихъ стоитъ та польза, которую они могутъ принести, а награда за нее отступаетъ на второй планъ; и хотя награда играетъ, къ сожалѣнію, немаловажную роль, однакоже во всякомъ случаѣ эта роль

второстепенная. Но вотъ въ каждомъ государствѣ появляется обширный классъ людей малообразованныхъ, трусливыхъ, умственно-ограниченныхъ, считающихъ главною задачею то, что всѣми порядочными людьми считается за второстепенное: для нихъ плата всегда на первомъ планѣ, а польза дѣятельности—на второмъ. Это различіе не мало-важно, а крайне существенно. Нельзя служить двумъ господамъ. Если работа составляетъ для чело-вѣка главное, а плата дѣло второстепенное, то чело-вѣкъ находится во власти своей работы; если же главнымъ дѣломъ для него является плата, а рабо-та—дѣломъ второстепеннымъ, то онъ попадаетъ во власть платы и ея господина—мамоны.

Нѣтъ ничего болѣе позорнаго для человѣческаго ума, какъ обычное признаніе современныхъ поли-тико-экономическихъ теорій научными. Никогда и нигдѣ въ исторіи человѣчества нельзя встрѣтить другого примѣра столь систематическаго отрица-нія людьми главной основы исповѣдуемой ими ре-лигіи. Писаніе, офиціально признаваемое людьми за священное, не только считаетъ любовь къ день-гамъ источникомъ всѣхъ золъ и идолопоклонствомъ, но прямо говорить, что служеніе мамонѣ несо-вмѣстимо со служеніемъ Богу и враждебно ему. „Го-ре богатымъ“, говоритъ писаніе, а мы, признавая себя христіанами, сочиняемъ науку о накопленіи богатства, считая его источникомъ народнаго блага.

„Быть богатымъ,—говоритъ Милль,—значитъ вла-дѣть обширнымъ запасомъ полезныхъ предметовъ“.

Что значитъ, во-первыхъ, „владѣть“? Если мы вложимъ въ руки покойника драгоцѣнные сокро-вища, то будетъ ли онъ ими владѣть? А если нѣтъ, то спрашивается: какаѣ степень жизненности не-обходима, чтобы чело-вѣкъ владѣлъ?

На одномъ изъ кораблей, плывшихъ изъ Кали-

Форми, находился человекъ, у котораго въ поясѣ было зашито значительное количество золота. При кораблекрушеніи человекъ этотъ, благодаря своему золоту, пошелъ ко дну. Спрашивается: онъ ли владѣль золотомъ или золото имъ? Эти примѣры наглядно показываютъ, что сущность владѣнія есть пользова- ніе, а пользованіе предполагаетъ пользу или полез- ность предмета для ея обладателя. Мало того, чтобъ предметъ былъ полезенъ; нужно, чтобы человекъ умѣлъ употреблять его, а не злоупотреблять имъ. И послѣднее зависитъ больше отъ свойствъ владѣльца, чѣмъ отъ свойствъ самого предмета. Итакъ ма- териальные предметы составляютъ богатство только въ связи съ человекомъ, пользующимся ими; но если предметы только въ связи съ людьми обра- зуютъ богатство, то они могутъ взаимно имѣть и разрушающее дѣйствіе. Человекъ можетъ уничто- жать предметы, а послѣдніе въ свою очередь дѣй- ствовать на него развращающимъ образомъ; такъ- что далеко не лишне изслѣдовать вліяніе богатства на его обладателей, опредѣлить, съ одной стороны, какого рода люди стремятся къ накопленію бо- гатствъ и успѣваютъ въ этомъ, а съ другой—кому человекство наиболѣе обязано своимъ нравствен- нымъ ростомъ, открытіями, изобрѣтеніями и ихъ практическимъ приложеніемъ: богатымъ или бѣд- нымъ? Но, предоставивъ этого рода изслѣдованія будущему, будемъ продолжать здѣсь анализъ бо- гатства. Мы уже говорили, что, по опредѣленію Милля, богатство заключается во владѣніи значи- тельнымъ запасомъ полезныхъ предметовъ; затѣмъ мы рассмотрѣли, что такое владѣніе, и пришли къ заключенію, что владѣніе неизбѣжно предполагаетъ пользованіе, т. е. полезность предмета для его обла- дателя.

Всѣ полезные предметы или находятся готовыми

въ природѣ или созидаются трудомъ человѣка. Создаютъ полезные предметы только природа и трудъ. Человѣкъ посѣялъ одну мѣру и получилъ десять; другой человѣкъ сковалъ заступъ, — вотъ созданіе полезностей. Но если эти производители вздумаютъ обмѣняться продуктами своего труда — хлѣбъ на заступъ, — то никакого новаго полезнаго продукта при этомъ не получится. Такой обмѣнъ можетъ быть выгоденъ для обѣихъ сторонъ, но никакого плюса полезностей онъ создать не можетъ.

Главная задача капиталистическаго ученія — увеличеніе количества предметовъ обмѣна, не рассматривая даже, полезны ли эти предметы для жизни или же прямо вредны ей. Задача же истинной политической экономіи, по ученію Рескина, есть увеличеніе количества счастливыхъ и здоровыхъ людей. Если главная, высшая драгоцѣнность для человѣка есть человѣкъ, то очевидно, что истинная экономія должна стремиться къ развитію того, что драгоцѣннѣе всего, т. е. людей; и это такъ ясно, что даже читатели, наименѣе свѣдущіе въ социальныхъ и политико-экономическихъ вопросахъ, способны рѣшить, какая система наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ народа и государства. Въ сущности, для каждаго народа главное значеніе имѣютъ его сыны. И хотя бы народъ обладалъ и обширную территорію и громадными запасами всевозможныхъ продуктовъ, но если онъ при этомъ жертвовалъ своими дѣтьми, и послѣднія не были предметомъ главной его заботы, то такой народъ бѣденъ, лишенъ права первородства. А когда часть его печали наступитъ, тщетны будутъ раскаянія, бессильны будутъ слезы! Мы можемъ указывать на обширность и всемірность нашего рынка, на громадность нашихъ коммерческихъ предпріятій,

на баснословныя состоянія, вырастающія какъ бы изъ ничего, но все это не въ силахъ заглушить стоновъ нашихъ братій и отогнать видѣнія, нарушающія минуты нашего покоя. Нація въ глубинѣ души своей испытываетъ чувство стыда и предвидитъ неизбѣжность часа возмездія. И когда этотъ часъ пробьетъ, можно ли ей будетъ сказать, указывая на своихъ сыновъ: „Изъ тѣхъ, что Ты далъ мнѣ, я не погубила ни одного?“ Или же, при видѣ мужчинъ, изможденныхъ голодомъ и убійственными условіями жизни, и женщинъ, бесплодныхъ отъ нищеты и всепожирающаго тщеславія, она повторитъ страшный крикъ Каина: „Развѣ я сторожъ брата моего?!“

Политическая экономія есть наука о богатствѣ народномъ, а истинное богатство народное заключается въ наибольшемъ количествѣ здоровыхъ и счастливыхъ людей. Но возможно ли совмѣстить „наибольшее количество“ со здоровьемъ и счастьемъ? Не только возможно, но неизбѣжно необходимо. Наибольшая продолжительность жизни, а слѣдовательно и наименьшая смертность могутъ быть при наибольшей добродѣтели. Въ этомъ отношеніи законъ увеличенія народонаселенія существенно отличается отъ законовъ размноженія животныхъ. Размноженіе животныхъ обуславливается количествомъ пищи и прожорливостью какъ самихъ животныхъ, такъ и существъ, истребляющихъ ихъ. Человѣкъ, какъ животное существо, подчиненъ тѣмъ же законамъ: голодъ, повальные болѣзни и войны неизбѣжно ограничиваютъ его размноженіе. Но всѣ эти вредныя факторы находятся въ рукахъ самого человѣка, и размноженіе его прямо зависитъ отъ степени развитія въ людяхъ любви и трудолюбія.

И въ вопросѣ объ увеличеніи народонаселенія

политическая экономія играетъ крайне печальную роль. Чтобы создать большее количество болѣе счастливыхъ людей предлагаютъ улучшить положеніе рабочихъ увеличеніемъ рабочей платы. Нѣтъ, говоритъ современная политическая экономія, это средство не поможетъ. Число рабочихъ настолько увеличивается, что наступаетъ прежняя нищета, или же рабочіе начинаютъ пьянствовать и все пропиваютъ. Если все это вѣрно, то гдѣ же искать причину такого жалкаго явленія? Предположимъ, что рѣчь идетъ о вашемъ сынѣ, и вы сказали бы мнѣ, что не рѣшаетесь принять его въ товарищи своего предпріятія, даже дать ему надлежащую заработную плату, потому что онъ пропьетъ ее и оставитъ цѣлую кучу дѣтей на попеченіе прихода. Невольно я задалъ бы вамъ такой вопросъ: отчего вашъ сынъ имѣетъ такія наклонности? Перешли ли онѣ къ нему по наслѣдству или же привиты воспитаніемъ? Иныхъ причинъ вѣдь и быть не можетъ. И тотъ же самый вопросъ мы неизбежно должны задать себѣ, когда рѣчь идетъ о рабочихъ. Или они составляютъ отдѣльную, существенно отличную отъ насъ расу или же, при надлежащемъ развитіи, они могутъ стать такъ же трезвы, умѣренны, трудолюбивы и мудры, какъ и мы сами, обязанные служить имъ живымъ примѣромъ для подражанія. Но, возражаютъ, они не могутъ получить надлежащаго развитія. Да почему же? Вотъ существенный вопросъ! Добрые люди предполагаютъ, что все зло заключается въ томъ, что богатые отказываютъ бѣднымъ въ хлѣбѣ, и что послѣдніе выпрашиваютъ его у Неба! Увы! Главное зло не въ хлѣбѣ, и не объ немъ раздаются главные вопли. Жизнь превыше хлѣба, и богатые отказываютъ рабочимъ не только въ хлѣбѣ, но и въ знаніи, въ добродѣтели и въ возможности спасти

свою душу. Рабочіе въ правѣ требовать хлѣба, но еще больше они въ правѣ желать быть совершенными, чистыми, святыми!

Но что же можно сдѣлать для нихъ? Развѣ ихъ накормишь, одѣнешь, научишь, не удерживая отъ чрезмѣрнаго размноженія? Вѣдь безъ этого они просто поѣдятъ другъ друга,—говорятъ политико-экономы.

Я полагаю, что ихъ ожидаетъ совсѣмъ иная участь, даже не прибѣгая ко всѣмъ тремъ средствамъ, рекомендуемымъ политическою экономіею. Эти средства извѣстны: заселеніе пустынныхъ странъ, переселеніе или колонизація и воздержаніе отъ брака. Уже достаточно одного заселенія пустынныхъ земель и колонизаціи для того, чтобы вопросъ объ избыткѣ народонаселенія оказался совершенно празднымъ. Пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ всѣ земли будутъ обращены въ плодородныя нивы, и всѣ страны—заселены. Для насъ же въ данную минуту существенно важно опредѣлить не то, сколько на земномъ шарѣ имѣется невоздѣланной и незаселенной земли, а какое количество должно прокормиться отъ извѣстнаго участка земли. Я говорю „должно“, а не „можетъ“, потому что одинъ и тотъ же участокъ земли съ трудомъ прокормитъ двухъ лѣнливыхъ, невѣжественныхъ и непредусмотрительныхъ людей и легко прокормитъ тридцать или сорокъ разумныхъ и прилежныхъ. Главная суть заключается не въ пространствѣ даннаго участка, а въ мудрости самихъ людей, въ ихъ знаніи и любви къ жизни. Разумное народонаселеніе сумѣетъ добыть себѣ и пищу и счастье, хорошо понимая, что счастье находится тамъ, гдѣ кругомъ царитъ жизнь во всей своей разнообразной красотѣ. Трудно представить себѣ, чтобы люди когда-нибудь находили свое счастье внѣ цвѣтущихъ по-

лей, луговъ и садовъ, чтобы мертвыя пустыни или шумныя, покрытыя копотью города стали для нихъ излюбленными мѣстами счастливой жизни.

Но что же дѣлать? Всѣ дѣйствительныя шаги на пути къ истинному счастью человѣчества совершались индивидуальными усилями, а не однѣми общественными мѣрами; и наша работа должна начаться съ насъ же самихъ, съ нашего домашняго хозяйства, при чемъ мы должны руководствоваться правиломъ: ничего не тратить бесполезно и ничего не жалѣть. Будемъ стараться какъ можно полезнѣе употреблять имѣющіяся матеріальныя средства, помня, что то, что мы имѣемъ, другой имѣть не можетъ, и что каждый предметъ, потребляемый нами, представляетъ собою плоть и кровь нашего ближняго и тогда только получить надлежащее употребленіе, когда идетъ на поддержаніе или на созданіе новой жизни. Тратя же его бесполезно, мы тѣмъ самымъ или уничтожаемъ человѣческую жизнь или ставимъ препятствія для развитія таковой. Поэтому, пріобрѣтая какой-нибудь предметъ, мы должны прежде всего обдумать, не сопряжено ли производство его съ условіями, неблагопріятными для жизни рабочихъ; и если: да, то отказаться отъ употребленія такого предмета; во-вторыхъ, интересно выяснитъ, насколько плата, даваемая нами, справедливо вознаграждаетъ трудъ и попадаетъ непосредственно въ руки трудящагося; въ-третьихъ, какую наибольшую пользу для жизни можно извлечь изъ потребленія этого предмета и, наконецъ, въ-четвертыхъ, съ кѣмъ и какимъ образомъ мы можемъ лучше всего непосредственно подѣлиться имъ.

И если мы всегда будемъ добросовѣстно имѣть все это въ виду, то неизбѣжно наша совѣсть и чувство справедливости заставятъ насъ отказаться отъ всякой малѣйшей роскоши.

Таково въ общихъ и слабыхъ чертахъ ученіе Рескина, нигдѣ не сведенное имъ въ стройную систему, но разбросанное въ многочисленныхъ его сочиненіяхъ.

Теперь невольно возникаетъ вопросъ: дѣлалъ ли онъ самъ что-нибудь и что именно для примѣненія своей системы къ жизни? Многіе современные учителя ограничиваются только словесною проповѣдью и считаютъ это вполне достаточнымъ. Къ счастью, не таковъ былъ Рескинъ: у него слово не расходилось съ дѣломъ, и онъ не довольствуется однимъ высказываніемъ истины, а старается воплотить ее и примѣнить на дѣлѣ къ собственной жизни. Къ этимъ дѣламъ его мы теперь и перейдемъ.

Выше было упомянуто, что по смерти отца Джонъ Рескину досталось около полутора милліона рублей серебромъ. Изъ нихъ онъ тотчасъ же выдалъ 70,000 рубл. сер. тѣмъ родственникамъ, о которыхъ, ему казалось, отецъ его забылъ, а затѣмъ все остальное громадное состояніе онъ употребилъ на частныя и общественныя добрыя дѣла, вызывая этимъ взрывъ негодованія и злобныхъ насмѣшекъ по поводу такого „сумасброднаго мотовства“. Онъ самъ въ одной своей книгѣ сѣтуетъ на эти нападки въ слѣдующихъ словахъ: „За то, что я провелъ жизнь, раздавая, а не накопляя богатство, защищая заслуги другихъ, а не свои собственныя; за то, что я понижалъ свои доходы, заботясь объ удобствахъ жизни своихъ бѣдныхъ арендаторовъ; за то, что я любилъ больше гулять по лѣсамъ, а не по лондонскимъ улицамъ, любоваться птицами, а не убивать ихъ, наслаждаться ихъ пѣніемъ, а не вкусомъ ихъ мяса: за то, что я былъ всегда почтительный сынъ и относился къ женщинамъ съ величайшимъ уваженіемъ; за то, наконецъ, что я старался быть всегда добрымъ даже къ злымъ и неблагодарнымъ,—за все

это, говорю я, тупицы англійскаго литературнаго и художественнаго міра злобно киваютъ на меня головой, а бездѣльники, всегда готовые продать свою душу за пачку сигаръ и бутылку вина, важно толкуютъ объ „извѣженной сентиментальности г. Рескина“.

Эти злобныя нападки сильно огорчали его, доводили даже до болѣзни, но не останавливали помогать нуждающимся, устраивать для бѣдныхъ дома, поддерживать ихъ хозяйство и оказывать всевозможную пользу, не щадя десятковъ и сотенъ фунт. стерлинговъ. Приведемъ два или три примѣра его всегдашней сердечной отзывчивости. п

Одна молодая дѣвушка посажена была въ тюрьму, не имѣя возможности уплатить 400 руб. сер., налагаемыхъ закономъ за отказъ жениху, съ которымъ она была обручена. Хотя въ данномъ случаѣ причину отказа было звѣрское обращеніе съ нею жениха, однакоже бѣдной дѣвушкѣ пришлось все-таки сидѣть въ тюрьмѣ. Джонъ Рескинъ, узнавъ объ этомъ, немедленно внесъ нужную сумму и освободилъ дѣвушку изъ тюрьмы. Директоръ Уайтландской женской учительской семинаріи въ Цельзиіи обратился къ Рескину съ просьбой прислать премію для лучшей ученицы. Рескинъ, находя, что всѣ преміи вызываютъ зависть и недоброжелательство со стороны товарищей или товарокъ, тогда какъ желательно, чтобы послѣдніе любили лучшихъ между ними, а не соперничали и не завидовали имъ, предложилъ вмѣсто того устраивать ежегодно празднество, выразивъ готовность присылать для этого золотой крестъ и сорокъ книгъ своего сочиненія. И вотъ ежегодно, благодаря Рескину, перваго мая ученицы выбираютъ тайной подачей голосовъ одну, наиболѣе достойную, по ихъ мнѣнію, подругу, которой и вручается, большею частью самимъ Рески-

нымъ, золотой крестъ и сорокъ его книгъ. Последняя она раздаетъ своимъ лучшимъ подругамъ. Это майское празднество такъ понравилось ученицамъ, что онѣ стали вводить его въ тѣхъ провинціальныхъ школахъ, куда поступали учительницами.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ Рескинъ для проведенія своего ученія въ жизни.

Главная основа его ученія состоитъ въ томъ, что величайшее сокровище какъ для цѣлаго народа, такъ и для единичныхъ личностей, это жизнь, и потому главное вниманіе должно быть обращено на развитіе наиболѣе здоровыхъ жизненныхъ условій, а таковыя немислимы въ душныхъ, прокопченныхъ городахъ и возможны только въ деревнѣ, на лонѣ природы. Во-вторыхъ, вопреки мнѣнію записныхъ политико-экономовъ, что зло экономическое заключается въ избыткѣ населенія, Рескинъ утверждаетъ, что, наоборотъ, одна Англія могла бы прокармливать по крайней мѣрѣ въ десять разъ большее народонаселеніе, будь высшіе классы человѣчны, разумны и трудолюбивы, и старайся они обратить въ цвѣтушіе сады тѣ массы земель, которыя теперь совершенно бесполезны, будучи истощены и заброшены. Въ-третьихъ, онъ находитъ, что при всякомъ производствѣ нужно имѣть въ виду, чтобы оно не было вредно ни для рабочихъ-производителей ни для потребителей его продуктовъ. Съ этою троякою цѣлью учреждено имъ Общество св. Георгія. Оно устраиваетъ земледѣльческія колоніи, организуетъ, такъ называемыя у насъ, кустарныя производства и содѣйствуетъ превращенію бапиталистическихъ фабрикъ въ кооперативныя.

„Задача Общества св. Георгія, — говоритъ Рескинъ, — состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы

указать, какую массу плодородной земли можно получить даже въ Англіи при правильномъ приложеніи труда къ истощеннымъ и такъ называемымъ бесплоднымъ участкамъ. Къ этой первоначальной задачѣ присоединяются двѣ болѣе главныя: первая изъ нихъ имѣетъ въ виду дать понятіе о характерѣ и степени всесторонняго развитія, доступнаго людямъ, живущимъ земледѣліемъ, и вторая—убѣдить высшіе классы общества, что занятіе земледѣліемъ почтеннѣе, болѣе соотвѣтствуетъ высшимъ человѣческимъ стремленіямъ и можетъ доставить каждому неизмѣримо больше благородныхъ удовольствій, чѣмъ излюбленные ими профессіи, въ родѣ, напр., военной. Убѣдиться въ этомъ тѣмъ болѣе полезно, что въ силу современнаго соціальнаго движенія многіе должны приниматься за земледѣліе или добровольно, — что было бы очень счастливо какъ для нихъ самихъ, такъ и для людей, находящихся отъ нихъ въ зависимости, — или поневолѣ, въ силу мучительнаго и печальнаго разлада между хозяевами и наемными рабочими.

„Мы хотимъ попытаться устроить для этого въ Англіи прекрасные, мирные, плодородные уголки, гдѣ не будетъ ни паровыхъ двигателей ни желѣзныхъ дорогъ, но зато и не будетъ ни одного жалкаго немыслящаго существа. Несчастливыми будутъ только больные, бездѣятельными—только покойники. Мы будемъ охотно признавать всякое превосходство и искоренять всякій порокъ. Мы будемъ добровольно повиноваться законамъ и лицамъ, избраннымъ нами. Мы будемъ разводить въ нашихъ садахъ массу цвѣтовъ и растеній, въ поляхъ—хлѣба и травы и стараться, чтобы было поменьше каменьевъ. У насъ будутъ процвѣтать знанія, музыка и поэзія. Дѣти будутъ учиться пѣть и плясать, и искусства будутъ поощряться“. Вотъ та идилли-

ческая картина, которую рисуетъ Рескинъ, какъ одну изъ задачъ Общества св. Георгія.

Для этого въ шести миляхъ отъ Шеффилда пріобрѣтенъ участокъ въ 13 акровъ изъ числа такъ называемыхъ бесплодныхъ земель, т. е. истощенныхъ и заброшенныхъ ихъ прежними владѣльцами. На немъ предполагается разводить въ большихъ размѣрахъ овощи и ягоды для снабженія шеффилдскаго рынка по умѣреннымъ и опредѣленнымъ цѣнамъ. Кромѣ того, имѣется въ виду завести оранжереи и теплицы съ ботанической цѣлью. Одинъ изъ членовъ Общества принесъ ему участокъ земли близъ Бармута, а другой — двадцать акровъ въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ и живописнѣйшихъ уголковъ Ворчейстшера. Такъ какъ на этихъ земляхъ имѣлись уже коттеджи прежнихъ арендаторовъ, то приводить на нихъ немедленно въ исполненіе проекты Общества сочтено пока неудобнымъ; зато на собственной землѣ Рескинъ началъ уже разрабатывать тѣ скалистые участки, покрытые сплошь мохомъ, которые не давали ничего ни людямъ ни животнымъ. „Мнѣ отраднѣе видѣть, — говоритъ Рескинъ, — какъ мало сравнительно требуется труда и денегъ для того, чтобы обратить эти скалы въ цвѣтушіе сады; но я подожду результатовъ нѣсколькихъ лѣтъ, прежде чѣмъ предложу Обществу заняться этого рода предпріятіями въ большихъ размѣрахъ, хотя опытъ этого года вполне оправдалъ мои надежды“.

„Полеводство, садоводство и земледѣліе вообще наиболѣе близки моему сердцу, — говоритъ Рескинъ, — и если обществомъ сдѣлано такъ мало въ этомъ направленіи, а между-тѣмъ встрѣтилось уже такъ много неудачъ, подчасъ довольно серьезныхъ, то вину эту я всецѣло беру на себя, ибо не имѣю ни необходимыхъ знаній ни возможности непосред-

ственно участвовать или руководить этимъ дѣломъ. Поприще моей личной дѣятельности — твердо опредѣленное, и я находилъ и нахожу, что не долженъ покидать его, и сожалѣю, что не осуществилась еще моя надежда на то, что найдутся люди со средствами и съ положеніемъ, которые возьмутся за руководство этими земледѣльческими колоніями и, благодаря своей опытности и своему знанію, поведутъ ихъ съ большимъ успѣхомъ“ *).

Личное свое непосредственное содѣйствіе къ этому дѣлу Рескинъ оказалъ устройствомъ шеффилдскаго музея св. Георгія. Музей этотъ, перенесенный изъ деревни въ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ парковъ, прилегающихъ къ городу, чисто народный. Онъ приспособленъ для всесторонняго развитія рабочаго люда, рисуя передъ нимъ живую картину и всѣхъ полезныхъ производствъ, и природныхъ богатствъ всѣхъ странъ, и величайшихъ произведеній искусствъ разныхъ вѣковъ и народовъ. При музеѣ имѣется картинная галлерей и народная библіотека.

Содѣйствіе Общества св. Георгія кустарному производству или, по Рескину, „честному производству добросовѣстныхъ продуктовъ“ выразилось, во-первыхъ, въ организаціи производства домашнихъ суконъ, а во-вторыхъ въ веденіи ручного льнопряденія и тканія разныхъ полотень.

„Я нашель,—говоритъ Рескинъ:—что на островѣ Мэнѣ существовало еще очень здоровое ремесло для женщинъ, а именно—ручное пряденіе шерсти мѣстныхъ овецъ; но вознагражденіе за этотъ трудъ было такъ ничтожно, что часто больныя и пожилыя женщины принуждены были покидать свои хижины

*) Это относилось къ 1882 г. Теперь за это, какъ извѣстно, взялся генералъ арміи спасенія Бутсъ.

и свои прялки и отправляться работать въ каменноугольныя копи“. Чтобы избавить ихъ отъ этой печальной необходимости Рескинъ организоваль ручное пряденіе шерсти и для выдѣлки изъ нея суконъ построилъ водяную мельницу. При содѣйствіи Ридигса эта отрасль производства пошла очень удачно. Нечего и говорить, что всѣ выручаемыя отъ продажи сукна деньги идутъ исключительно тѣмъ, кто прядетъ и участвуетъ въ ткацествѣ.

Замѣтимъ кстати, что Общество св. Георгія не пользуется машинами и примѣняетъ ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не препятствуютъ здоровой физической работѣ и не превращаютъ искусство и ловкость ручного труда въ механическую тупую работу. Какъ двигатели, допускаются только естественныя силы природы: вода, вѣтеръ, электричество; паръ же окончательно изгнанъ, какъ беспощадный истребитель топлива. Порохъ и паровой молотъ Рескинъ называетъ „забавами безумныхъ и паралитиковъ“.

Второе кустарное производство, обязанное своимъ существованіемъ Рескину, это льнопряденіе и ручная выдѣлка полотень въ Вестморландѣ. Производство это процвѣтало здѣсь *никогда*, но давно уже окончательно заброшено и забыто. Одинъ изъ послѣдователей Рескина, нѣкто Флемингъ, горячо и дѣятельно взялся возстановить его. Величайшихъ усилій стоило ему собрать по кусочкамъ первую ручную самопрялку. Появленіе ея было истиннымъ торжествомъ. Немедленно нанять былъ небольшой домикъ въ самой живописной мѣстности и обращенъ въ школу ручного пряденія. Какъ только женщина научалась этому искусству, ей выдавались на домъ самопрялка и ленъ, и пряжа принималась отъ нея по опредѣленной цѣнѣ. Оставалось завести ручной ткацкій станокъ. Но нигдѣ нельзя

было достать его, и никто не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія. Наконецъ удалось устроить этотъ станокъ по фотографіи съ одной древней картины. И вотъ два станка и тридцать прядильницъ заняты этимъ здоровымъ производствомъ; работницы получаютъ опредѣленную задѣльную плату, а прибыль распределяется по прошествіи года. Производство это идетъ очень успѣшно, хотя лень еще не мѣтнаго производства, а получается изъ Ирландіи.

Наконецъ реформа въ фабричномъ производствѣ введена пока только въ извѣстной шерстяной и гарусной мануфактурѣ Томсона въ Худдерсфилдѣ. Джонъ Томсонъ, глава этой фирмы, почитатель Рескина, превратилъ свою фабрику въ производительную ассоціацію на строго кооперативныхъ началахъ. Замѣтимъ, что чистый доходъ фабрики дѣлится между рабочими, при чемъ часть его отчисляется и въ пользу потребителей, которыми преимущественно являются кооперативныя общества. Самъ Томсонъ, руководя фабрикой, получаетъ жалованье, какъ и всякій служащій. Нравственное вліяніе этихъ реформъ громадно. Улучшеніе нравственности рабочихъ, ихъ сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства и ихъ интересъ къ работѣ ярко бросаются въ глаза всѣмъ посѣтителямъ фабрики.

Вотъ все, что намъ пока извѣстно изъ практическаго примѣненія идей Рескина, сдѣланныхъ какъ непосредственно имъ самимъ, такъ и нѣкоторыми изъ его почитателей.

Во всякомъ случаѣ нельзя отказать Рескину въ добромъ починѣ, тѣмъ болѣе, что все это еще сѣмена, разбрасываемыя имъ, и плоды отъ которыхъ только-что начинаютъ всходить. Всюду имъ препятствуетъ то обстоятельство, что слѣпая и самодо-

вольная толпа со своими литературными вожаками встрѣчаетъ каждое его честное слово и дѣло градомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ.

Представители англиканской Церкви яростно нападаютъ на него, хотя по праву онъ смѣло можетъ считаться самымъ выдающимся проповѣдникомъ и учителемъ Англїи. Купцы и фабриканты преслѣдуютъ его за то, что онъ считаетъ накопленіе богатствъ не цѣлью человѣческой жизни, а ея погибелью; самодовольная толпа съ прессой во главѣ называетъ его сумасшедшимъ, по скольку онъ всецѣло отдаетъ жизнь свою другимъ и сторонится всякихъ литературныхъ лагерей. А между тѣмъ, какъ литераторъ, какъ публицистъ, онъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Вотъ что говоритъ объ этомъ маршалъ Матеръ *): „Мы смѣло можемъ сказать, что какъ художественный критикъ Рескинъ не имѣетъ соперниковъ; какъ нравственная литературная сила, только одинъ Карлейль можетъ стать съ нимъ рядомъ, наконецъ, какъ поэтъ-прозаикъ, онъ, несмотря на обиліе современныхъ талантовъ, безспорно является звѣздой первой величины“.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ представить краткій обзоръ его литературной дѣятельности, безъ чего характеристика Рескина будетъ далеко не полна. Немногіе изъ его современниковъ могутъ соперничать съ нимъ въ литературной плодовитости; уже болѣе сорока томовъ вышло изъ-подъ его пера. Онъ пишетъ одинаково талантливо и съ серьезнымъ знаніемъ предмета и объ искусствѣ, и объ архитектурѣ, и объ исторїи, и о политической экономїи, и о социальныхъ вопросахъ.

Его литературную дѣятельность можно раздѣлить на два періода: первый съ 1844 по 1860 годъ и

*) Marshall Mather: Life and Teaching of John Ruskin.

второй съ 1860 по настоящее время. Къ первому періоду относятся преимущественно произведенія его по живописи и архитектурѣ, изъ которыхъ главныя: „Современные живописцы“ въ пяти томахъ, „Семь стилей архитектуры“ и „Камни Венеціи“ въ трехъ томахъ.

Сочиненія второго періода состоятъ изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Оксфордскомъ университетѣ, изъ журнальныхъ статей, публичныхъ лекцій по политическимъ, экономическимъ и социальнымъ вопросамъ и ряда писемъ, числомъ уже около 90, подъ общимъ названіемъ: „Fors Clavigera“. Съ января 1871 года Рескинъ началъ ежемѣсячно выпускать эти письма, обращенныя „къ трудовому люду и къ рабочимъ Великобританіи“. Изданіе это продолжается и понынѣ. Цѣна каждаго выпуска отъ 20 до 30 коп. Въ нихъ онъ касается всевозможныхъ общественныхъ и социальныхъ вопросовъ, имѣя цѣлью духовное развитіе англійскаго трудового люда.

■ Мощный анализъ—отличительная черта ума Рескина; не холодный анализъ современнаго человѣка науки, а анализъ, освѣщенный богатымъ воображеніемъ, дающимъ ему возможность проникать въ глубь разсматриваемыхъ явленій и охватывать ихъ съ внѣшней и внутренней стороны. Онъ—человѣкъ съ горячимъ сердцемъ, чуткимъ къ красотамъ природы и къ правдѣ, равно какъ и къ несправедливости людской.

Но при видѣ лжи, алчности и тщеславія человѣка изъ его груди вырываются „молніеносныя стрѣлы“, какъ бы „божественнаго гнѣва“. Онъ полонъ рыцарскаго духа: безтрепетно нападаетъ на зло, но къ слабымъ существамъ онъ чувствуетъ нѣжность какъ къ дѣтямъ, а къ страдающимъ любвеобилень какъ женщина.

Человѣкъ, который можетъ подобно Рескину раскрывать намъ божественное величіе природы и глубокой, не замѣчаемый нами, смыслъ обычныхъ явленій, невольно долженъ имѣть громадное вліяніе на людей. И вотъ одна изъ причинъ его обаянія; но это далеко не все. Рескинъ, кромѣ того, обладаетъ свойствомъ всѣхъ великихъ писателей: всецѣло влгать душу въ свои произведенія и тѣмъ невольно привлекать къ себѣ читателя. Его слова — слова жизни, изливающіяся изъ глубины души. Онъ заставляетъ лѣнивыхъ воспрянуть, помогаетъ добрымъ находить новыя силы для благотворной дѣятельности, а утомленнымъ даетъ энергію и жажду жить и бороться. Какъ бы ни былъ человѣкъ слабъ, но, прочтя Рескина, онъ начинаетъ чувствовать и понимать, что онъ все-таки способенъ къ труду, какъ бы ни былъ скромнень его жребій; онъ научается быть полезнымъ людямъ и находить въ этомъ счастье; рабочій проникается сознаніемъ величія труда; человѣкъ мыслящій — массой глубокихъ истинъ, доставляющихъ обильную пищу его уму; усталый — новыми силами; разочарованный — увѣренностью, что никакое доброе дѣло не пропадаетъ безслѣдно. Жизнь — дѣйствительность, а не призракъ. Она не исчезаетъ, и всякая добрая жизнь оставляетъ вѣчный, благородный слѣдъ въ мірѣ, содѣйствуя счастью человѣчества.

Есть писатели, интересующіе насъ; есть писатели, подавляющіе нашъ духъ. Рескинъ же всегда вноситъ жизнь, и мы не знаемъ никого другого, кто умѣлъ бы такъ направить и вдохновить человѣка на все доброе. Правда, онъ глубоко разочаровываетъ во всѣхъ бессмысленныхъ и тщетныхъ усиліяхъ, разочаровываетъ людей, ищущихъ призрачнаго счастья въ богатствѣ и въ удовлетвореніи своего тщеславія, разочаровываетъ людей, стре-

мящихся занять высшее положеніе въ свѣтѣ; но тотъ, кто готовъ изо всѣхъ силъ трудиться на благо своихъ ближнихъ, найдетъ всегда въ Рескинѣ мощнаго руководителя.

Таковъ восторженный отзывъ о его сочиненіяхъ одного изъ серьезныхъ его почитателей.

Если я своимъ слабымъ и краткимъ очеркомъ пробужу въ читателяхъ желаніе ближе ознакомиться съ дѣятельностью и съ сочиненіями этой въ высшей степени свѣтлой личности, то сочту, что цѣль моя достигнута, и трудъ мой не бесполезенъ.

К О Н Е Ц Ъ

